

ИЗ АРХИВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике

Karl Haushofer, Geopolitik der Pan-Ideen ("Weltpolitische Bücherei". Bd 21. Berlin, 1931)

ГЛАВА VI ПРОТИВОСТОЯНИЕ УСПЕШНО РАСТУЩИХ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ И МОРСКИХ ПАНИДЕЙ

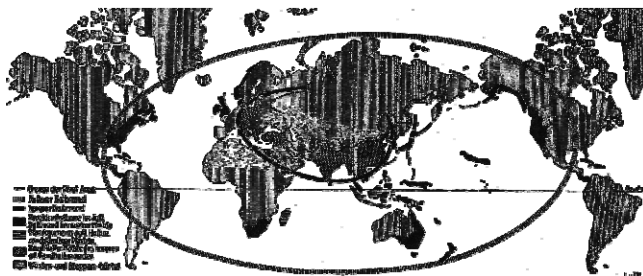
Противостояние континентальных и морских панидей как один из сильнейших долговременных мотивов в истории человечества раскрыл в 1904 г. Макиндер (воспитавший за долгие годы своей деятельности не одно поколение сотрудников британской внешнеполитической службы) в гениальном научном трактате "The geographical pivot of history" ("Географическая ось истории") и на одной из первых солидных геополитических и безупречных в географическом отношении карт, представленных одному из первых научных форумов планеты – Королевскому Географическому Обществу в Лондоне. Государственные мужи на континенте, должно быть, проглядели этот способ рассмотрения, иначе после 1905 г. они сделали бы из этого выводы и предприняли все, чтобы избежать войны, принявшей форму мировой, тогда как они, предпочитая двигаться ощупью, вползли в петлю дальнзорких игроков, и именно во всех predetermined материковой принадлежностью жизненных формах, в результате чего стали в той или иной мере данниками более гладкого превосходства океанской панидей.

Но что можно было требовать от государственных мужей Центральной Европы, если столь прозорливые воспитатели взглядов на мир, как Ратцель, написали в 1895 г.: "Образование нового крупного островного государства есть самое осязаемое и прежде всего решающее в выступлении северитихоокеанской державы, с которой должно считаться государственное искусство Европы". Это резюме относилось тогда к Японии и вызвало пристальный интерес к изучению островных народов и островных государств. Но разве это "новое" островное государство существовало не с 660 г. до н.э.? Разве уже с 1892 г. и позже не была очевидной подготовка Соединенных Штатов к весьма агрессивному островному государственному образованию, в результате которой уже в 1898 г. было закончено геополитическое строительство, между "внешним полумесяцем" ("äußeren Halbmond") которого или "внутренней точкой", опоры ("innerem Drehpunkt (Pivot)" – осью)¹ Центральная Европа должна была "оптирывать", т.е. выбирать, между кото-

рыми она не должна была больше беспорядочно колебаться, – если это на пути к их обоим панобразованиям в то же время не воспринималось обременительным и требующим жертв или если это не могло даже прокладывать новые пути к панобразованиям более высокого порядка (скажем, в Гааге)? Время для этого было бы между 1898 и 1902 гг., вероятно, при очень смелой игре еще до 1904–1905 гг., при дерзкой – даже до июля 1914 г. (сравните русский совет Германии: "Lachez l'Autriche, comme nous lacherons la France!")²

Что сосредоточение сил к противоборству, в котором мировая война являлась лишь предупредительным жестом, было очевидно уже в 1904 г. в свете восходящего панобразования, это доказывает карта мира, предложенная Макиндером, которую мы воспроизводим здесь упрощенно, а обстоятельно разобрали в книге "Geopolitik des Pazifischen Ozeans" ("Геополитика Тихого океана"). Но Центральная Европа этого не увидела. Все-таки это свершилось, и сегодня пантихоокеанская культурная политика уже не под руководством Британской империи, а Соединенных Штатов в их гигантской борьбе с древнейшим пространственным мышлением "оси истории", центральной степной империи Старого Света. Ход развития его главного современного поборника – Советов происходит в условиях удивительного смещения вытесненных в Восточную Европу византийского и варяжского влияний, великорусской зоны скудной земли (подзол), подчинившей плодородные почвы (чернозем), выкованного монголами и татарами панславистского и царистского мышления, которое ныне задрапировано в одежду Советов, но осталось все тем же пространственным мышлением и пользуется паназиатским стремлением к расширению пространства, чтобы окраинные ландшафты (периферийные³, по определению Рихтгофена) поставить на службу центральной панидеи Евразии. Эта борьба будет доведена до конца прежде всего на реальной почве континентальной части муссонных стран. Успешное интегрирование древних культур Юго-Восточной Азии в мировую культуру, взаимные плодотворные обмены либо неудавшийся мировой пожар Старого Света, быть может, с обновлением в его пекле – такова и там и тут цена победы; во всяком случае здесь находится самая важная культурно-политическая задача XX в. Стало

быть, стоит усилий исследовать поближе отношение хода мыслей Макиндера к нынешней демонстрации самых успешно растущих в пространственном отношении панидеи. Немногие события в такой степени пригодны для образования полярного разграничения также сообразно эволюционным и революционным основополагающим процессам. К тому же на сцену выходит одно важное, почти закономерное явление для оценки будущего панидеи, а именно что морские панидеи как государственное мышление более способны приспособляться, преобразовываться, эволюционировать, реагировать на окружение, чем континентальные, склонные к разрыву с прошлым, к рывку вперед, к насильственной смене “небесного мандата” (Китай, гоминь). Неудивительно, что этот эмпирический факт яснее всего обнаруживается в Восточной Азии, ибо почти нигде в мире, даже в пространствах с родственным климатом, нет такой континентальной державы (как Китай) и такой талассийской (как Япония) – четко разделенных всего лишь коридором прибрежного моря, – чтобы можно было указать на трехтысячелетние, вполне сопоставимые экспериментальные порядки, лишь трижды нарушавшиеся войной⁴. В западной Евразии Средиземное море и Альпы фальсифицируют (verfalschen) последствия, хотя Макиндер даже и здесь старается отыскать закономерные явления – только больше с примесью произвола и свободы воли.



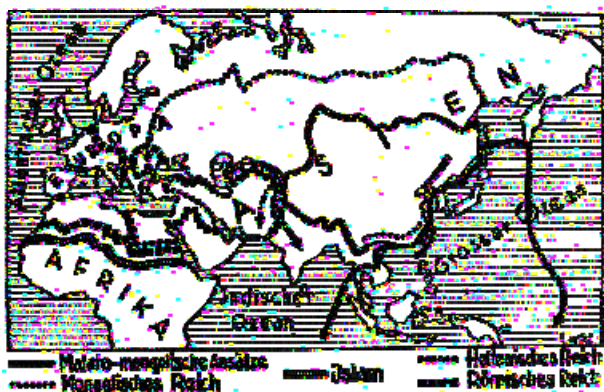
Упрощенная карта мирового океанско-континентального противоборства (по Макиндеру)

- Grenze der Pivot Area – граница осевого ареала
- Äußerer Halbmond – внешний полумесяц
- Innerer Halbmond – внутренний полумесяц
- Hauptdruckräume im auß. Halbmond heimischer Mächte – главные пространства давления во внешнем полумесяце местных государств
- Pfundräume im auß. Halbmond randständiger Mächte – закладные пространства во внешнем полумесяце периферийных государств
- Haupt-Kultur-Mächte des inneren od. Randhalbmondes – главные культурные государства внутреннего (или окраинного) полумесяца
- Wüsten-und Steppen-Gurtel – пояс пустынь и степей

Было бы абсурдным пространственное мышление Японской империи (несмотря на ее нынешнюю военную мощь и ее мировые позиции) ставить в один ряд с великокитайским, великорусским и паназиатским в советской чеканке или с американским Соединенных Штатов (панмотивами американского Срединного моря, усиленными пантихоокеанскими и панамериканскими), – если бы позади едва способного нести нагрузку великой державы японского скелета земельного пространства не лежали обширные морские пространства, натиск 90-миллионного народа, но прежде всего грядущая океанская возможность образования великомалайско-монгольского культурного круга, включающего Японскую империю с ее нынешним, превышающим 90 млн. населением, Филиппины – с населением 12 млн., но способные прокормить 60, и Индонезию с нынешними 60 млн., но с возможностью прокормить по меньшей мере 100, вероятно, еще окраинные ландшафты австрало-азиатского Срединного моря, так что около 150 млн. бесспорно расовородственных, одинаково мыслящих, быстро растущих народов обрели планетарные масштабы!

Итак, мы видим, что между борьбой паназиатской идеи в советской окраске со скрытым за ней всероссийским империализмом, хотя и в экономико-политическом одеянии, и между старым колониальным мышлением рассеянных заморских имперских образований нынешних колониальных держав более раннего образца, а также пантихоокеанской культурной политикой Соединенных Штатов в известной мере вклинивается вышедшее из более ранних панидей более крупное имперское мышление муссонных стран – великокитайское, паниндийское, а также великояпонское. При этом приходит конец представлению о непривлекательных, непригодных для проживания зонах на самых разных широтах: на самый дальний Север тянется желательная для русских граница, доставляя беспокойство американским проектам железной дороги от Аляски в Северную Сибирь, как и в Маньчжурию. Менее далеко на Север простирается уже граница панидей у китайцев, которая охватывала как раз и долину Амура. Еще менее далеко на Север распространяется японская панидея, которая вплоть до настоящего времени все еще инициирует весьма несовершенную колонизацию и освоение северных островов собственной островной дуги в результате соперничества с надвигающимися в северную часть Тихого океана континентальными панидеями. Индийское движение уже полностью останавливается на Гималаях и на линии их северных альпийских видов растительности, не переставая мечтать о

прорыве в туркменский хлопковый пояс, но не подчеркивая это. Здесь, следовательно, были бы возможны естественные разграничения, наименее убедительные в Маньчжурии, где Японии и Советам еще предстоит разобраться с линией границы. Чувство более сильной климатической и естественной общности у народов мус-сонных стран, как и у находившихся длительное время с ними в соприкосновении панидей других народов, несомненно, обнаруживается в более легком разграничении на Востоке, чем на Западе Евразии, – если бы Советская система отказалась от попыток распространить свое экономическое мышление на весь мир. В противном случае внутри Старого Света, к сожалению, появится как будущее поле борьбы океанских и континентальных панидей пространство в зоне трех рек в Центральной Европе – между Вислой, Дунаем и Рейном (проблема Трехречья, как ее обозначил Челлен) и в Северо-Восточной Азии – между Амуром, Ялу и Ляохэ, два пространства, обремененные схожими потрясениями. Серьезность такой возможности в будущем следует иметь в виду в отношении обеих переходных и подверженных потрясениям областей.

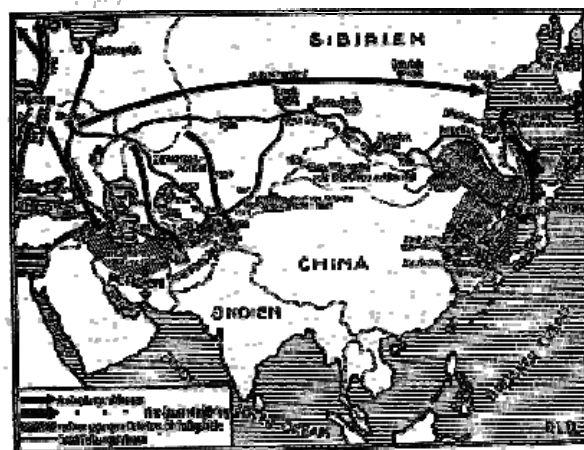


Первые шаги панидей в рамках Старого Света
 Malaio-mongolische Ansätze – малайско-монгольские старты (начала)
 Mongolisches Reich – Монгольская империя
 Islam – ислам
 Hellenisches Reich – Древнегреческое государство
 Romisches Reich – Римская империя

Как естественные, подверженные потрясениям ландшафты еще большего масштаба Макиндер представил в своей провидческой схеме четыре, то тут, то там разрывавшиеся большие жизненные пространства, между давлением “разбойников степи” и “разбойников моря”, которые он называл “внутренним полумесяцем” Старого Света: Центральная Европа, Ближний Восток, Индия и Китай, с малоутешительной информа-

цией, что они могли бы выдержать планетарное давление в объединении с сильной властью, с великоимперскими или панидеями, а слабые среди них (Макиндер явно намекает на Австрию и Турцию!) были бы сломлены.

При этом давящее и вызывающее потрясения подталкивание (Nachhiebe) из некогда монгольской, позже царской “pivot of history” (“оси истории”), равно как и из “внешнего полумесяца” островных или океанских держав Макиндер оценил еще в 1904 г. благосклонно, твердо надеясь, что “они не будут оттеснены на обочину”. Он считал также необходимым, чтобы Англия, как и Япония, заручилась при этом союзником на материке, дабы уравнивать различие в пространственной мощи, и рекомендовал в таком качестве Францию, хотя в то время он все еще верил, что, вероятно, речь могла бы идти и о Германии.



Наступление русских и ответные удары на пути к евразийским панобразованиям

Ausbreitungsrichtungen – направления экспансии
 Ausbreitungsrichtungen ohne (dauernden) Erfolg – направления экспансии без прочного (постоянного) успеха
 Verloren gegangene Gebiete u. Einflußgebiete – потерянные области и сферы влияния
 Erschließungsbahnen – освоенные трассы

Невысказательно и грубо, придерживаясь скорее общепринятого в данной стране представления, изобразили родственную проблему Фейргрив для Англии, Боумен для Соединенных Штатов Америки, с объективной точки зрения и на более высоком уровне это же пытался сделать для Центральной Европы шведский ученый Рудольф Челлен, которого, к сожалению, услышали слишком поздно.

Конечно, не случайно, что острейшее, следующее один за другим столкновение морских и континентальных панидей в настоящее время

готовится в Индии, т.е. в регионе, окруженном с двух сторон частями морей, – Арабским морем и Бенгальским заливом Индийского океана, – в откровенно континентальном пространственном организме – Гондване⁵, который как замковый камень свода втиснулся в Мировое полуморе Индийского океана, будучи разделенным ландшафтами двух больших рек с древней культурой основной части Центральной Азии.

Возникшая перед английским панмышлением в 1930 г. необходимость выяснить основы существования этой перенаселенной части Империи раскрыта в насыщенном содержательными подробностями, но бедном, к сожалению, руководящими идеями докладе комиссии Саймона – отличном вспомогательном средстве, помогающем внести ясность относительно этого важного силового поля в огромном континентально-океанском противостоянии, связанном с панобразованием.

Абсолютно по праву во “Франкфуртер цайтунг” от 14 июня 1930 г. в умной обобщающей статье, посвященной демократизации Индии, говорится об “острой конфронтации Европы и Азии”, которая, как кажется, несколько утрачивает свое значение в отношении, например, Ганди, “высокочитимого Махатмы, кающегося и пророка”. И справедливо, ибо Ганди видел проблему своей страны прежде всего как социологическую, а не пространственно-политическую и, кроме того, упустил возможность составить себе ясную картину основных направлений будущего, которые пространственное мышление его англо-индийских противников, вероятно, представляло совсем иными. Поэтому суждения всего окружения Ганди, включая его европейского пророка – Романа Роллана⁶, имели столь мало убедительной силы для панаспекта всеиндийского вопроса, который в общем и целом должен решаться в пространстве, и прежде всего в отношении 562 княжеских владений, и охватывать упорядоченное сожительство в одном и том же пространстве 223 млн. индусов и 70 – 86 млн. мусульман.

Однако именно староиндийскому мышлению противостоит обусловленный пространством процесс. Безусловно правы лорд Керзон⁷ и его школа, что уже перенос столицы из Калькутты в Дели⁸ явился, по-видимому, началом конца величественной океанской традиции господства британских вице-королей в Индии, поскольку в этом переносе узнаваемо убедительное доказательство превосходства континентальной идеи над океанской идеей местоположения и власти. Тот, кто воспринял как свои собственные мысли лорда Керзона о необходимости индийского гласиса по всей линии Бирма – Сычуань – Тибет –

Афганистан – Персия, а именно Ал. Картхилл, смог по праву написать в 1923 г. книгу с сенсационным названием “The lost dominion” (“Утерянное господство”).

Разумеется, после чудовищного поражения, которое нанесли континентальным идеям (не только центральноевропейских держав, но и России и косвенно Китая [21 требование Японии!]⁹) господствующие на морях океанские державы, отличающиеся большей выносливостью и экономической энергией, когда империя Индийского моря, имевшая отношение к этому потрясающему успеху, казалась, видимо, наградой британского соучастника (этим восхищались и немецкие авторы [Дикс, Вючке¹ и др.] как приобретению пространства и власти), последовал смертельный удар по идее империи Индийского моря из крошечного по сравнению с мировой империей сухопутного пространства Центральной Азии – из Афганистана.

Третья Афганская война 1919 г.¹⁰ показала изумленному миру, что вся англо-индийская военная мощь едва достаточна для того, чтобы удерживать собственный тыловой район в Пенджабе, но не для того, чтобы отбросить отважного, сравнительно организованного нападающего (с беспокойной Индией как хинтерландом). Иран на Востоке и на Западе – где Персия сорвала попытку удушить ее – обеспечил себе континентальную независимость¹¹. Волна откатилась назад! Она продолжала откатываться назад, когда в бескровных схватках национальной предупредительной забастовки и бойкота Южного Китая в отношении очень сильной экономически и процветающей колонии короны – Гонконга, а затем – в победе движения младокитайцев в Кантоне над районом Янцзы и Северного Китая – были сданы Ханькоу и одна за другой господствующие, пробившиеся в направлении материка позиции морских держав.

То Япония получила со скрытой злорадной помощью англосаксов, например, в 1922 г. на конференции в Вашингтоне удар (Шаньдун, Цинпу), то Англия (Кантон, Гонконг), то вспыхнул бунт на подозрительно закрытой границе Французского Индокитая, то международные потрясения поразили наиболее умно маневрирующие Соединенные Штаты. Однако морским державам, вместе взятым, не удалось больше прийти к осознанию того, что отдельные отступления расшатывали общий океанский престиж и в конечном счете разрушали представление о преобладающей унаследованной мудрости заокеанских союзов держав. Многие насторожились, когда дерзко прозвучали слова Чан Кайши: “Следующая революция вслед за успешной в Китае произойдет в Индии”, сказанные перво-

начально, чтобы успокоить японцев в отношении Кореи. В самом деле, и сам Сунь Ятсен предостерегал младокитайцев от столкновения с силами японского национализма.

Ведь неопровержимо, что уже через десять лет после триумфального выдвижения империи Индийского моря в пространство и ее слияния – путем похищения мандата – с Германской Восточной Африкой¹² до кульминации некоей панидеи пошатнулись не только самые важные камни (Египет, Аравия, сама Индия), но и соседние строительные части, которые нельзя напрочь отделить, – Индонезия, Индокитай.



Британская империя между третьим и четвертым изменением своей структуры

- Ver. Königreich – Соединенное королевство
- Dominions – доминионы
- Irish. freist. – Ирландское свободное государство
- Indien – Индия
- Kolonien – колонии
- Mandate – мандаты (мандатные территории)
- Protectorate – протектораты
- Ägypten – Египет
- Umfang des Ver. Königreichs – площадь Соединенного королевства 230.600 кв. км
- Gesamtumfang d. brit. Weltreichs – общая площадь Британской империи 36.765.000 кв. км

Итак, в момент внешней кульминации успеха морских панидей в противовес континентальному мышлению, стремящемуся раздвинуть пространство (Берлин – Багдад – Персидский залив или Москва – проливы), после насилия над Персией в исходной позиции океанских держав появились шатания, за исключением позиции Соединенных Штатов, опирающихся на две панидеи. Британская империя пыталась противостоять удару судьбы путем перегруппировки, не слишком замаскированной частичной реорганизации, которая, однако, не коснулась чуждого в расовом отношении самого крупного будущего доминиона – Индии Гордая довоенная Британская империя, впервые так сильно почувствовавшая ослабление своей панидеи, оказалась вынужденной искать сближения с культурной

политикой США, посчитав более безопасным пойти на болезненную жертву ради восприятия собственной имперской идеи.

В этом состоянии равновесия – передышки или изнурения – находится ныне схватка между континентальными и океанскими панидеями за самую большую часть Света и окружающие ее моря. Эффект тщательно прослеживаемой информационно-игровой ведет к тому, что более сильная энергия status nascendi находится ныне в континентальной панидеи. Всегда легче нападать во взбудораженной среде, нежели защищать сверхнапряженный статус-кво в мире.

Вероятно, это неблагоприятное, если одна, в значительной мере не очень-то довольная этим статус-кво, часть Центральной Европы примыкает к защитникам существующего, слишком доверившись словам, как, по-видимому, случается, когда при “конфронтации Азии с Европой” чрезмерно связывают себя с океанской стороной “Метаморфоз Индии может стать неслыханным зрелищем воплощения демократических идей и их высшей проверки; но он может быть в дальнейшем и скорбным зрелищем краха этих идей, разбившихся о скалы Азии Радость или трагедия для всех европейцев...” Так противоречиво рассматривает неслыханный государственно-биологический процесс ведущая западногерманской демократии газета Она полагает, что с крахом английского империализма и сама [эта демократия] понесла бы ущерб. Но кто в сущности назвал этот процесс империализмом, чтобы навязать его блага тем, которые ничего не хотят о них знать? Beneficia non obtruduntur!¹³ Как раз за навязывание европейским пространством экспансивного товара, экспансивного духа в противовес собственным центристическим, самодостаточным процессам не без основания упрекает его тихоокеанское, равно как и восточноазиатское, пространство. Океанские панидеи – это то, что с четвертого века тревожило континентальные, исключая сарматские равнины. Вправе ли их поборники сожалеть, если представители атакуемого ими континентального пространственного мышления теперь от таких частных пространств, как Центральная Европа, ждут по меньшей мере беспристрастного нейтралитета? Ведь большего они от нас не требуют... пока что!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ (с.319) *Wutschke J. Der Kampf um den Erdball. München, 1922.*

¹ По терминологии Макиндера, с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в самом центре этого континента – географическая ось истории, или осевой ареал (совпадает с

территорией России). Внешний полумесяц (или островной полумесяц) охватывает Северную и Южную Америку, Африку южнее экватора, тихоокеанские острова и Австралию.

² Отступитесь от Австрии, и мы отступимся от Франции (*фр.*).

³ Т.е. пространства и земли, не имеющие самостоятельной геополитической ориентации.

⁴ Имеются в виду: 1) англо-китайская война 1840–1842 гг. (так называемая первая опиумная война), положившая начало превращению Китая в полуколонии; закончилась Нанкинским договором 1842 г.; 2) англо-франко-китайская война 1856–1860 гг. (так называемая вторая опиумная война); Китаю были навязаны Тяньцзиньские договоры 1858 г. и Пекинские договоры 1860 г.; 3) японо-китайская война 1895 г.

⁵ Гондвана – район Индии к северу от реки Годавари (Годи), страна гондов, одного из дравидийских народов Центральной Индии.

⁶ Роллан Ромен (1866–1944) – французский писатель и общественный деятель, участник пацифистского движения; ему были близки взгляды Ганди, биографию которого он издал в 1924 г.

⁷ См. примеч. 36. С. 46.

⁸ В 1911 г. правительство Британской Индии перенесло резиденцию из Калькутты в Дели. Застройка Нового Дели как столицы Британской Индии велась несколько десятилетий, начиная с 1913 г.

⁹ “Двадцать одно требование Японии к Китаю” о предоставлении ей особых экономических и политических прав в Китае предъявлено последнему 18 января 1915 г. Свыше четырех месяцев в Пекине между правительствами Японии и Китая велись переговоры, сопровождавшиеся с японской стороны угрозами, провокациями, применением силы. 27 апреля 1915 г. японские требования были ультимативно вручены китайскому правительству, а 9 мая по совету США и Англии Пекин принял ультиматум. После первой мировой войны из-за энергичных протестов в Китае в ходе движения “4 мая” на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Япония была вынуждена вернуть Китаю захваченные территории.

¹⁰ Как уже упоминалось, третья Афганская война против британских колонизаторов в 1919 г. была неудачной для англичан и завершилась Равалпиндским миром. См. также примеч. 6. С. 171.

¹¹ Хаусхофер часто обращается к проблемам Ближнего Востока, в частности Ирана, не углубляясь в конкретную историю этого региона. При оценке положения Ирана в системе международных отношений первой половины XX в. надо иметь в виду следующее.

На протяжении длительного времени, начиная с XVI в., Иран вел борьбу за свою самостоятельность, противодействуя вмешательству в его дела извне. В конце XIX в. Россия и Англия практически поделили между собой сферы влияния в Иране: север страны находился под сильным политическим влиянием России, район Персидского залива почти целиком зависел от англичан. Фактически Иран превратился в полуколонии Англии и России. В 1912 г. шахское

правительство признало англо-русское соглашение 1907 г. о разделе страны на сферы влияния.

С началом первой мировой войны юг Ирана (под предлогом охраны стратегически важного района Персидского залива и перекачивавшего иранскую нефть в Средиземноморье нефтепровода) был оккупирован англо-индийскими войсками. В марте 1915 г. было подписано очередное англо-русское соглашение о разделе Ирана на сферы влияния. Ответом на эти действия было усиление национально-освободительного движения в Иране. Одновременно в этом районе укреплялись позиции Германии. Что же касается иранского правительства, то оно уже с начала 1915 г. было откровенно германофильским. Осенью 1915 г. русские войска оккупировали Тегеран и Кум. В марте 1918 г. Советская Россия вывела свои войска из Ирана, что привело к установлению здесь полного английского контроля и заключению кабального англо-иранского соглашения в августе 1919 г., по условиям которого Иран фактически стал английским протекторатом. Это еще более усилило национально-освободительные тенденции. В результате произошедшего в стране 21 февраля 1921 г. переворота к власти пришло правительство, сделавшее ставку на политическую консолидацию страны. В декабре 1925 г. новым шахом Ирана был провозглашен Реза Пехлеви. Стремясь ограничить англичан, шах охотно принимал помощь Германии. В области внешней политики он ориентировался на силы, которые могли противостоять англичанам. Такой силой была Германия, которая постепенно усиливала здесь свои позиции, рассматривая Иран как военный плацдарм на случай военных действий на Ближнем Востоке.

¹² Германская Восточная Африка – германская колония в Восточной Африке в 1891–1919 г. По Версальскому мирному договору часть ее территории – Танганьика перешла под мандат Великобритании. См. также примеч. 10. С. 13.

¹³ Привилегии не обременяют (*лат.*).

ГЛАВА VII ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПАНИДЕЙ В ИСТОРИИ И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В НЕЙТРАЛИСТСКОЙ ИЛИ ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ ФОРМЕ

В поразительном противоречии со своей нынешней неспособностью добиться на деле панобразования Европа с ее более крупной панидеей уже с давних пор – по сути одновременно с крахом средиземноморской панидей римско-эллинистической античности, *Orbis Romanus*, – была занята включением северных областей, которые, находясь по ту сторону границы распространения благородного каштана и винограда, казались римлянам чем-то вроде “анэйкумены”, не представляющей ценности для заселения.

Великие готы и франки – Теодорих¹ и Карл² и их советники – были, кажется, первыми панъев-

ропейцами, усвоившими мысль об объединении своей части земной поверхности, хотя и в раннероманском, жестком стиле. До одного дошла из Византии времен Юстиниана³ последняя агония пансредиземноморской идеи, его планы панъевропейского объединения посредством династических браков. Перед другим из средиземноморского жизненного круга вырос в лице папского престола (*Patrimonium Petri*) склонный к западноевропейскому имперскому мышлению, дипломатически далеко превосходящий его противник.

Однако с того времени некоторые наиболее благородные умы и бывалые мизантропы и власти Европы, снова и снова пытавшиеся найти для этого цель или инструмент, были связаны с панидеей своей части Света и отчасти придали ей примечательные оттенки: это проповедники крестовых походов и кляузиасенсеры⁴; Данте⁵, Карл V, Сюлли, аббат Сен-Пьер, кардинал Альберони, Лейбниц, Кант, Наполеон I, даже Меттерних и Бисмарк с их системами, вплоть до Куденхове-Калерги и Бриана могут быть названы при этом, не вдаваясь в оценку вклада каждого. Возникает некая связь, некое взаимодействие с идеей вечного мира. Истины ради скажем, что против некоторых чеканщиков классических формул образования панъевропейских идей (одну из самых красивых Штрупп раскопал достойным похвалы образом у Наполеона I) единодушно выступила вся Европа, чтобы обезвредить ее, – как Эллада против Филопомена⁶, последнего античного панэллина. Непроизвольно происходит так, как показал еще Ратцель, при европейском малопространственном понимании панидей – нечестивая схватка за единомыслие вокруг панэллинского! Еще более вопиющим, чем в панъевропейском движении, в панэллинском было несоответствие между тесными, малыми пространствами и широким полетом духа; это несоответствие приобрело значение, ибо идеи не могли более столь тесно сосуществовать друг подле друга, но жестоко сталкивались с делами в пространстве. Так было – несмотря на то, что этими делами занимались такие умы, как Кимон⁷, Перикл⁸ и его друзья, победитель Лисандр⁹, несмотря на то, что существовали культовые союзы и проводились общегреческие игры и последующие действия в Эгейском море, несомненно, тянутся в современность, – при единственном кратковременном объединении благодаря гениальной руке – благодаря Александру [Македонскому]. Это объединение, конечно, раскрыло, какая неслыханная энергия таилась в преграждавшейся полтысячелетия идее, когда она однажды была развязана как динамическая сила: одно из величайших поли-

тико-географических чудес всех времен! Как таковая эта сила высится словно гигант и перед азиатским воображением, которое рожденную в Европе фразу “*Aut Caesar aut Diabolus*” безрассудными деяниями на протяжении долгих времен в широких пространствах перечеканило в “Джины или Искендер (Демоны или Александр) сделали это”.

Такой взаимосвязанной историей идей, какую имеет панъевропейское развитие, не обладает паназиатское; зато оно может в большей мере достичь крупных свершений, и по крайней мере, согласно моему японскому опыту (который я изложил в “*Dai Nihon*”), нужно было бы весьма недооценивать идеологическое влияние, например, Азии *Gikai* или Азии *Dobunkai*, если хотели всмотреться в него сквозь плотную тень лозунгов японского национализма, или, к примеру, пренебречь паназиатским посланием Сунь Ятсена Инукаи в 1914 г. – наряду с неизбежным особым развитием Китая. Послание Сунь Ятсена к Инукаи в начале [первой] мировой войны с призывом вступить в войну на стороне Центральных держав во имя освобождения Азии, книга Б.К. Саркара “*The Futurism of Young Asia*” и речь Рабиндраната Тагора в Токио с напоминанием Японии оставаться верной своему азиатскому облику могут рассматриваться наравне с лучшими европейскими образцами осуществления панидей в Старом Свете. Но и они страдают из-за огромной трудности, а именно выбора подходящих путей перехода панидей от насильственной к государственно-правовой основе.

Здесь сталкиваются с ошибкой, характерной для идеологов и сугубо гуманитарных ученых всех времен, которые слишком редко обращаются как исследователи к географически понятному явлению. Эта ошибка кажется равносильной неизбежному откату назад, к прецеденту, событию, обращенному к *lex lata* взгляду юриста, основанному на авторитете богослова, и ему милее все терпящая бумага, а ранее ослиная шкура, чем шероховатая, нетронутая ночва, на которой созидают философы или мечтатели-социологи. И тем не менее при наличии доброй воли большую часть опыта человечества с нейтралистским или федералистским устройством наднационального пространственного организма и их обоюдную устойчивость и стабильность можно осмыслить на земной тверди с помощью объективных средств карты, географических явлений на поверхности Земли. Могут, конечно, возразить: внутри обеих больших противоположностей существует чудовищное различие между строгим централизмом французской или японской государственной системы и великодушным обхож-

дением с различными колониальными пространствами, или между федерализмом типа Конфедерации Юга США и федерализмом северных штатов при Линкольне¹⁰, или федерализмом Священной Римской империи германской нации и федерализмом Бисмарка; или между безжалостным хозяйственным централизмом и видимостью культурно-политического федеративного устройства внутри Советов. Да, такие тонкие нюансы карта не фиксирует.

Как представляется, важным спорным пунктом является, однако, преобладают ли централистские или федералистские главные черты в структуре, в образовании панидей, и тут кроется препятствие в строительстве фундамента: идеолог обожествления государства – по самой своей природе централист! Затем во всяком случае следует, по его мнению, “децентрализованное единое государство” – *contradictio in adjecto*¹¹ – противоречие в самом себе, которое сталкивается с огромными практическими помехами, коренящимися в повадках и своенравии человеческой природы. И все же в так называемом территориальном вопросе (*Landerfrage*) имеется богатый опыт Великого Китая, США, Австралийского сообщества, Британского имперского объединения (которое движется в направлении, противоположном централизму), Советского Союза; и, строго говоря, факт состоит в том, что во всяком случае все эти планетарные образования в пространственном оформлении складывались по необходимости как федералистские, а сама Лига Наций и инициативы Бриана по созданию Соединенных Штатов Европы были также задуманы на основе ясно выраженного федералистского принципа¹².

Лишь романские жизненные формы и Японская империя – эта после длительного федералистского прошлого, при мощных федералистских процессах в структуре, – отдали предпочтение централизму, поступая весьма щедро в отношении государственного устройства новых встраиваемых пространств.

Но кто не может хотя бы единожды создать и поддерживать собственное государство по образцу водонепроницаемой системы (*Schottensystem*), будет ли он способен участвовать в играх в системах союзов и структур, охватывающих крупные пространства, – или же к присоединению даже благосклонных сопредельных пространств, не говоря уж о сопротивляющихся?

Здесь обнаруживается то, на что указывает уже Ратцель в своей “Политической географии”, и это мы должны учитывать, говоря об эллинском и европейском жизненном пространстве, также для индийского: что для строительства панобразования Эллады, Центральной Европы и Индии

имеются особые родственные трудности, связанные с территориальным вопросом (*Landerfrage*), которые в другом месте будут совсем непонятны, не могут быть полностью осознаны, ибо в истории других жизненных пространств отсутствуют как предпосылка к этому [т.е. строительству панобразования] ограниченность и узость пространства. Из концентрации слишком большой духовной энергии на слишком малом пространстве выросли исторически обремененные образования, каждое из которых имеет столь различные основы, как если бы животных девонского и силурийского периодов¹³ собрали в одном зверинце вместе с животными каменноугольного, юрского и ледникового периодов и с современными – не говоря уже о различиях между травоядными и хищными. Так, фактически в стесненных условиях находились греческие города-государства, на более крупных землях – страны Центральной Европы и на еще более крупных – 562 политических ландшафта индийской народной почвы. Уходящие в глубь тысячелетий древние племенные государства (*Stammstaaten*), сложившиеся на базе дружин, сопровождавших вождя, наряду с образованиями последнего столетия (Спарта с двумя царями и демократические Афины, древняя Бавария¹⁴ и новый Баден¹⁵, феодальный Удайпур-Мевар¹⁶ и “выскачка” Хайдарабад¹⁷). Как совершенно поиному были расположены в сопредельном пространстве внутренне одинаковые 49 штатов США, тем не менее с каким трудом завладели они надежным предохранительным клапаном от центральной власти президента в лице несгибаемого, влиятельного сенатского корпуса, в котором и самое большое, и самое малое государственное образование представлено двумя голосами с равным правом.

В действии включенных в конституции Соединенных Штатов и Австралийского сообщества уместных предохранительных положений, с одной стороны, во взаимопереплетении монархических, аристократических и демократических мотивов в становлении римской церкви – с другой (причем в двухтысячелетнем опыте их было бы невозможно обосновать показанными Рошером (“Естественная история монархии, аристократии и демократии”) симптомами перерождения: тиранией, исключительностью или массовым гнетом), все составители новых программ могли бы найти много исходных пунктов и для образования панидей. В противопоставлении с этой возможностью был законным вывод Ратцеля, что победитель при таких идейных сражениях, равно как и побежденный, когда-нибудь с огромным рвением предпочитал вступить на землю противника. Так, победители в мировой

войне, якобы настроенные на преодоление милитаризма, не говоря уже о всеобщей воинской повинности, подражали по эту сторону многим другим запрещенным по ту сторону организациям (генеральные штабы, военные академии), в то время как побежденные были обязаны спешно копировать политические организации победителей, испытанные в совершенно иных обстоятельствах, в надежде, что – несмотря на большое различие в структурах – вместе с таким буквализмом будет приобретен необходимый опыт. Самое простое соображение политической географии подсказывает, например, что некоторые учреждения, прекрасно действующие в островных государствах и у островных народов в силу их изолированной замкнутости и значительной удаленности от частей Света, для пролициаемых [государств], сплошь да рядом не защищенных нигде надежными естественными границами в переходных областях внутри частей Света, могут оказаться роковыми. Доказательством этого являются полезная игра двухпартийной системы в Японии и США по британскому образцу XVIII в., но ее полная осечка в Центральной Европе, особенно в мировоззренчески разобренных пространственных организмах с шизофреническим (умственнорасколотым) состоянием народной души. Это несоответствие едва ли будет понято, например, японцами, которые весьма далеки от мысли, что их островное чувство единения с родным ландшафтом может быть подорвано различиями в мировоззрении. К тому же действует и инстинкт безопасности, с помощью которого островная империя нащупала к настоящему времени свой путь между пятью пандвижениями: паназиатским, пантихоокеанским, соглашением с Советами и – при многих разногласиях, но все же без опасных для жизни столкновений – с Китаем, не испытывая полного разочарования и в будущем малайской идеи в Nan-Yo.

Но еще Гильдебранд сослался на эту свойственную и японцам, и англосаксам способность быть наготове в отношении сосуществующих бок о бок политических движений, тогда как немец приспособлен лишь к движимой страстью перемене, вдобавок причиняющей вред из-за исповедания радости, если не сказать тяги к исповеданию, в то время как англосаксонская и японская партийные программы, равно как и программы пандвижений, в значительной мере преднамеренно настолько близки, что могут уклоняться от преждевременных обязательств и подменять друг друга.

Такое различие в святом усердии, с которым обсуждаются основы писанных конституций на одной стороне, вплоть до неспособности приспособиться к жизни, и в биологической приспособляемости, которая сегодня позволяет Британской империи даже без конституции, главным образом благодаря социокультурной общности, выходить из положения, должно, естественно, глубоко влиять на законность форм панобразования, более всего на прочность уз между наиболее крупными среди них, а именно стремящихся к планетарному сообществу, к чему наиболее близко подходит Лига Наций. Не содержится ли, как полагают в Женеве, в панъвропейской инициативе Бриана точно такой же разлагающий фермент для гуманитарных основ мирового сообщества, как во враждебном отношении к нему паназиатских и панафриканских, вообще цветных расовых элементов, и в равнодушии носителей панамериканских, пантихоокеанских идей?

Не исчезнет ли форма энергии *status nascendi*? Не ограничит ли она поэтому последующее развитие, прежде всего в региональных панобразованиях?

Слабость Лиги Наций с точки зрения пространственно-политического мышления в отношении несомненно превосходящих ее своей привлекательностью отдельных панидеей, – ее явно выраженная юридическая, построенная на *lex lata*, беспомощная по отношению к устойчивому духу политико-географическая динамика, которая больше отмечает ее печатью союза правительств и государств. Лига Наций является отчасти придатком пространственно-политического мышления безопасности тех государственных мужей Франции, Великобритании и США (география Земли и населения этого государства, как полагают, должна вновь стать экспансионистской лишь в 1950 г.), кто главным образом участвовал в ее строительстве, постоянно или преходяще удовлетворенных пространством с точки зрения роста их населения, тогда как Англия и Франция обладают сверхбольшим пространством в сравнении с тем, какое они могли бы заполнить своей сокращающейся или урбанизирующейся народной силой.

Отсюда чувство тревоги в отношении Италии и Японии, Китая и за все еще на деле испытывающей унижение, подавленной в своем стремлении к развитию Центральной Европы – все еще. Отсюда и желания перестраховаться как раз в угрожаемых колониальных областях вследствие давления народов муссонных стран – в “золотой бахромке на нищенском рубище Азии”, как сказал лорд Керзон. Конечно, хочется, чтобы “золотая бахрома” сохранялась застрахованной, но избавившись от ответственности за нищенское рубище и за ее голодные и территориальные кризисы. Но именно с такими

кризисами связано стремление к переменам у тех, кто мало или вообще ничего больше не ждет от статус-кво, а полагается во многом на собственное движение, – или у тех, кто желает удержать большие пространства пусть даже за счет компромиссных панидей – пантихоокеанской, панамериканской, исходя из предвидимой опасной силовой игры (entanglement)¹⁸. Через отрицание (durch nichts) становится более ясным различие между паназиатской динамикой и панъевропейской статикой, чем через трудность выработать в паназиатской сфере деятельности определенные указания относительно разграничения и принадлежности политических пространств, которые отчасти имеют сверхъевропейские размеры, как территория китайского народа и китайской культуры (3,9 или около 10 млн. кв. км?), Монголии или Тибета (1,5 или 3 либо 4 или же 8–10 млн. жителей?), степени суверенитета Маньчжурии, китайского Запада, Танн-Тувы, затем индийских штатов-княжеств или создающих затруднительное положение структур вроде кондоминиумов (Новые Гебриды) или Трансиордании, совокупности мандатных территорий Ближнего Востока.

Мы лишь констатируем, что Лига Наций с ее основами власти, силы и права несостоятельна как в отношении индо-тихоокеанской динамики и ее хода развития, так и в отношении очевидных устремлений панамериканских и пантихоокеанских институтов, таких дел, какие они в своей локальной и наднациональной части пространства считают исключительно личным делом своей части поверхности Земли и хотят улаживать их по собственному праву без вмешательства извне. Исходя из этого опыта, лорд Литтон публично заявил в Женеве, что, как полагают на Востоке, у Лиги Наций не лежит сердце к восточным народам, а также мало целеустремленности в отношении них. Поэтому Лига Наций отстранилась в вопросе о Гран-Чако¹⁹, как и в вопросе о Такна-Арика²⁰, а пан-Америка остереглась возложить ей на алтарь также и доктрину Монро. Вопрос о Сингапуре и равенстве тихоокеанских флотов в общем и целом был продвинут в Вашингтоне, а не в Женеве или Гааге, где они могли быть разрешены. Сингапур давно рассматривается в качестве общего опорного пункта англосаксонства в австрало-азиатском Среднем море, вероятно, как возможное связующее звено будущей англосаксонской культурной панидеи, прелюдию к которой сыграли Киплинг²¹, лорд Брайс, а Рамсей Макдональд²² подновил капитуляцию лейбористов важной интеллектуальной и добровольной жертвой, отправившись с прошением в Питсбург от имени ультракапиталисти-

ческого кабинета миллионеров. Но такой наднациональный пространственный организм мог бы существовать лишь как федералистский или же вообще не существовать; и даже при таких перспективах на будущее сталкиваются в “территориальном вопросе”, в данном случае, разумеется, гигантски расширяющихся частичных ландшафтов, романская, централистская, унитарная форма образований с противоположной англосаксов (в США; доминионы, а также австралийское Сообщество) в Китае, внутри Советов. Именно в 1930 г. младокитайцы из-за непостижимого централизма “через силу” переживают необычайное обрушение по причине тамошнего древнего мышления. Японии в настоящее время ближе идея единства государства, которая как раз трудно поддается расширению, а Индии и Центральной Европе – федералистская идея, обе сталкиваются с абсолютно родственными трудностями между этими с точки зрения пространства технически несовместимыми направлениями.

Существуют ли все же возможности компромисса между ними? Насколько далека, прежде всего сегодня, слишком окостеневшая Лига Наций от направления, ведущего к изменениям, приспособлению, чем могла бы доказать свое право на длительное биологическое существование? Какой пример подают ей другие, более старые панидеи?

“В Необходимостях – Единство, в Сомнительности – Свобода, во Всем, однако, Любовь!” – этим лаконичным, основанным на опыте прекрасным триптихом католическая церковь соединила двухтысячелетнюю мудрость с образованием некоей панидеи, тем самым соприкоснувшись с изречением Конфуция²³, который преподнес опыт китайской государственной философии в краткой формуле: “Всякое понимание приходит к нам только через любовь”, и в этой антипатии к насилию как неопровержимой угрозе любому постоянному устройству соприкоснулась, кроме того, с не вполне родственным по духу Лао-цзы²⁴ в высшей точке культуры муссонных стран, в мудрости Дальнего Востока.

Но в федералистском устройстве наднационального пространственного организма больше простора для такого вида любви, чем в централистском. Прочно обладая этим эмпирическим фактом науки о пространстве, добытым чисто географическим путем, и будучи убежденными в том, что в Центральной Европе мы должны по чисто географическим причинам преодолеть трудность развития, которую в настоящее время разделяем лишь с Индией, а в прошлом делили с великим эллинизмом, – всегда обладавшим, однако, свободой ходить за моря, – просто

потому, что никакая другая часть Света не имеет столь подверженного избыточному давлению центра, – обращаемся мы к проблеме отношения пан-идей к международной организации и исследуем отношение Лиги Наций и национализма и вековечную способность панобразований как промежуточных ступеней между национальным государством и империей и мировым сообществом наводить здесь мосты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теодорих Великий (454–562) – король остготов и основатель их государства в Италии. Проводил политику сближения с франками, вестготами, бургундами, вандалами и особенно с римлянами.

² Империя Карла Великого (ок. 742 – 814) – короля франков и первого императора Священной Римской империи – представляла собой новую геополитическую зону, простиравшуюся от Северного моря до Центральной Италии, от Пиренеев до Эльбы. Проводил политику сближения с римской курией, принял императорскую корону из рук папы Льва III, превратив церковь в опору своей центральной власти.

³ Юстиниан I (527–565) – византийский император.

⁴ Странники реформы церкви, предложения о которой исходили из аббатства бенедиктинцев в Клуни, основанного в 910 г.

⁵ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт, оказавший большое влияние на развитие европейской культуры. Автор философских и политических трактатов. Разработал идею и понятие “civitas” – общечеловеческого единства, которое находится “над” отдельной личностью, “над” отдельными группами людей, “над” целыми народами. Великий флорентинец вкладывал в свои представления прежде всего тот смысл, который диктовало христианское мирозерцание, однако его идея оказалась более широкой и провидческой.

⁶ Филопомен (253–183 до н.э.) – глава Ахейской лиги, пытался сохранить единство Эллады в условиях наступления Рима.

⁷ Кимон (около 510 – 450 до н.э.) – афинский государственный деятель, участник борьбы за создание Афинского морского союза.

⁸ Перикл (499–429 до н.э.) – афинский государственный деятель, с его именем связан высший подъем Эллады.

⁹ Лисандр – спартанский военачальник, наварх. В 404 г. до н.э. с помощью олигархов ликвидировал демократический режим в Афинах.

¹⁰ Линкольн Авраам (1809–1865) – шестнадцатый президент США (1861–1865).

¹¹ Противоречие между определяемым словом и определением (*лат.*).

¹² См. примеч 13. С. 275.

¹³ Девонский период – четвертичная система (период) палеозойской эры геологической истории, наступившая после силурийского периода и предшествовавшая каменноугольному (408–360 млн. лет тому назад). В течение этого периода появились первые земноводные и леса.

Силурийский период – геологический отрезок времени, третий период палеозойской эры, предшествующий девонскому (438–408 млн. лет тому назад). В течение этого периода появились первые наземные растения и первые челюстные рыбы.

¹⁴ Бавария – земля на юге Германии, до 1919 г. королевство в составе Германской империи, затем республика.

¹⁵ Баден – бывшее великое герцогство, с 1919 г. республика на правом берегу Рейна.

¹⁶ Удайпур – город в штате Раджастан (Северо-Западная Индия). Основан в 1586 г. Удай Сингхом как столица княжества Мевар.

¹⁷ Хайдарабад – одно из крупнейших по площади княжеств (штатов) Индии.

¹⁸ Затруднительное положение (*англ.*).

¹⁹ Летом 1932 г. вспыхнула война между Боливией и Парагваем из-за спорной области Гран-Чако, богатой нефтью. Закончилась в 1935 г. разделом Чако.

²⁰ Такна-Арика – портовый город на границе между Перу и Чили, из-за которого возник конфликт между этими странами.

²¹ Киплинг Джозеф Редьярд (1865–1936) – английский писатель.

²² Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) – британский государственный и политический деятель, в 1924–1935 гг. премьер-министр Великобритании. После образования так называемого национального правительства (1931) проводил линию на создание блока западных держав и фашистской Германии против СССР.

²³ Конфуций (Кун-цзы, 551–479 до н.э.) – древнекитайский философ, создатель этико-политического учения, составляющего цивилизационный фундамент всего Древнего Востока. Конфуцианство определяло систему ценностей страны и народа, принципы жизни китайцев, основы их мировоззрения и менталитета. Наивысшим смыслом существования людей, согласно конфуцианским догматам, считалось достижение социальной гармонии в рамках мудро управляемого государства.

²⁴ Лао-цзы – древнекитайский философ, живший, согласно преданиям, одновременно с Конфуцием или раньше его. Традиция приписывает ему авторство текста “Дао дэ цзин” – одного из важнейших и почитаемых в Китае